

**Леонид Георгиевич Гончаров – основоположник
академической школы подготовки офицеров-оружейников.**

Гончаров Л.Г.
(19.02.1885 – 28.04.1948)

Леонид Георгиевич Гончаров - военно-морской теоретик, профессор, доктор военно-морских наук, вице-адмирал, лауреат Сталинской премии, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, капитан дальнего плавания является легендарной личностью в Военно-морской академии, пользующейся среди специалистов военно-морского оружия огромным авторитетом и глубоким уважением.

С его именем связывают, прежде всего, основание и становление академической школы подготовки для Военно-морского флота офицеров-артиллеристов и офицеров-минеров с высшим военным образованием. Оказавшись в гуще послереволюционного реформирования высшего военно-морского образования в молодой Советской республике на самых первых его стадиях, он сумел определить нужные направления этого реформирования, убедить в их целесообразности руководство и затем осуществить их своей организаторской работой. Это было непросто, но за его плечами был уже достаточный теоретический и практический опыт, позволивший ему принимать правильные решения. К этому времени он был достаточно опытным морским офицером, капитаном 1 ранга, послужившим на кораблях и в штабах, получившим боевой опыт в ходе двух войн, имевший опыт теоретического осмысления тактики ведения боевых действий силами флота в виде «Записок по морской тактике»¹⁾, опубликованных в 1914 году.

В кратком изложении служба Л.Г.Гончарова до революции 1917 года представляется следующим образом. 1901-1903 гг. - обучение в Морском кадетском корпусе с получением первого офицерского звания – мичман. Последующие 5 лет – служба в составе 1 Балтийского флотского экипажа, в основном, на учебных кораблях «Генерал-Адмирал» и «Герцог Эдинбургский», которые ежегодно отправляются в длительные заграничные плавания. В период Русско-Японской войны 1904-1905 года Л.Г.Гончаров участвует в переходе 2 Тихоокеанской эскадры из Кронштадта на театр военных действий, сначала на миноносце «Резвый», а затем на крейсере «Рион». В Цусимском сражении ему участвовать не пришлось, поскольку накануне крейсер «Рион» получил специальное задание и отделился от эскадры. В 1908-1909 гг. он обучается в Артиллерийском офицерском классе, получает квалификацию - артиллерийский офицер 2 разряда. Затем – Николаевская Морская академия, которую Гончаров успешно заканчивает в 1912 году, с квалификацией - штурманский офицер 1 разряда. Успешное обучение в академии дает ему возможность остаться в академии для прохождения дополнительного курса, освоение которого даст ему право претендовать на должность в Морском Генеральном штабе. Параллельно с обучением в академии он преподает в Артиллерийском офицерском классе. С окончанием дополнительного курса в академии в 1913 году, он остается в академии преподавателем. В период 1914-1915 гг. он - старший офицер учеб-

ного судна «Петр Великий», капитан 2 ранга за отличие (25.8.1914), а 29.4.1915 г. назначен командиром эсминца «Лейтенант Ильин». С 17.10.1915 г. Л.Г.Гончаров является членом Особой комиссии по рассмотрению изобретений, а также постоянным членом морского крепостного совета крепости Императора Петра Великого. В этот период он сам занимается изобретательской работой. В частности, им был разработан проект 3-трубного торпедного аппарата для эсминцев типа «Новик» (1915). С февраля 1917 г. Л.Г.Гончаров на службе в Морском Генеральном штабе, начальник отдела, капитан 1 ранга.

За этот период служба Л.Г.Гончарова была отмечена наградами и отличиями:

- Знаком в память 200-летнего юбилея Морского кадетского корпуса (1901);
- темно-бронзовой медалью в память войны с Японией 1904-1905 гг. (1906);
- французским орденом Камбоджи Кавалерского креста (1906);
- золотым Знаком в память окончания полного курса наук Морского кадетского корпуса (1910);
- орден Св.Владимира 4 степени (1913);
- светло-бронзовая медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых (1913);
- орденом Св.Станислава 2 степени (1914) и мечами к нему (1915);
- светло-бронзовой медалью в память 200-летия Гангутской победы (1915);
- орденом Св.Анны 2 степени (1915);
- подарком с вензелевым изображением Высочайшего Имени (10.4.1916).

С 1918 г. Л.Г.Гончаров работает в Морской Исторической комиссии и числится в составе профессоров Николаевской Морской академии, деятельность которой на время войны была законсервирована. На ее базе решено создать Военно-морскую академию, но пока структура ее не определена.

В 1919 г. Л.Г.Гончаров переводится для работы в Военно-морскую академию. Занятий в ней еще нет, и он составляет докладную записку о необходимости образования при академии отдела Оружия для подготовки офицеров – артиллеристов и минеров с высшим военным образованием.

С 1 апреля 1919 г. начались занятия и в академии, но пока только на Военно-морском отделе. Эта дата считается началом деятельности Военно-морской академии советского периода. Вскоре Народным комиссариатом по Военным и Морским делам было принято решение об образовании в Военно-морской академии отдела Оружия, начальником которого назначен Л.Г.Гончаров - инициатор и идеолог этого направления обучения в академии. Он долгие годы оставался начальником этого подразделения, которое преобразовалось затем в отдел Военно-морского оружия (1922), а затем в факультет Военно-морского оружия (1924). На его плечи, с небольшим числом помощников, легла вся организаторская работа по становлению учебного процесса, организации и проведению занятий, обеспечению их учебно-методическими материалами.

С образованием кафедр (1924) Л.Г.Гончаров возглавил еще и кафедру «Боевые средства морских сил», которую он возглавлял до конца своей жизни (в 1930 году она была переименована в кафедру «Тактические свойства боевых средств»).

Военная карьера Л.Г.Гончарова в советский период была вполне успешной. Его служба и научно-педагогическая деятельность были отмечены наградами и отличиями:

- орден Ленина;
- два ордена Красного Знамени;
- орден Отечественной войны 1-й степени;
- орден Трудового Красного Знамени;
- орден Красной Звезды;
- профессор (1927 г.);
- доктор военно-морских наук (1941 г.);
- вице-адмирал (1941 г.);
- лауреат Государственной премии СССР (1942 г.)²⁾;
- заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1944 г.).

Однако карьера Л.Г. Гончарова в советский период не была безоблачной. «Охота на ведьм», процветавшая в стране, не обошла его стороной. Он трижды арестовывался органами гос-

безопасности: в 1921, 1931 и 1948 годах. Из последнего заключения он так и не вышел – умер в тюрьме. Последний его арест историки связывают с известным «судом над адмиралами» (Н.Г.Кузнецов, Л.М.Галлер, В.А.Алафузов, Г.А.Степанов, Л.Г.Гончаров), который начали готовить в начале 1948 года с санкции И.В.Сталина. Военно-исторический журнал за 1994 год (№ 2, с. 69) отмечает:

«Вице-адмирал Л.Г.Гончаров, доктор наук, профессор, начальник кафедры ВМАКВ не фигурировал на «процессе адмиралов». С ним расправились раньше. Он был арестован по личному указанию министра Госбезопасности СССР В.Абакумова (без санкции прокурора) 10 апреля 1948 года. Следователям была поставлена задача: добиться показаний арестованного о шпионаже в пользу английской разведки. Вполне вероятно, что Л.Г.Гончарова «разрабатывали» именно для запланированного процесса над командованием ВМФ»³⁾.

В связи с этим арестом и его последствиями имя Л.Г.Гончарова было надолго вычеркнуто из истории нашего флота, а следы его деятельности скрывались от широкой общественности. Однако, рассматривая некоторые исторические аспекты развития нашей военно-морской науки, постоянно находишь эти следы, хотя и без деталей. Но именно эти детали в историческом плане представляются весьма важными и интересными.

Так, безусловно интересна обстановка введения в программу обучения слушателей в Военно-морской академии советского периода проблем развития и боевого использования корабельного оружия. Трудно себе представить, чтобы это решение было принято верхами самостоятельно, без инициативы снизу со стороны заинтересованных специалистов. Не та была тогда обстановка в руководстве страны. Таким инициативным специалистом, знавшим проблему изнутри и, более того, готовым взяться за ее решение лично стал Леонид Георгиевич Гончаров, оказавшийся «в нужном месте в нужное время».

Документальных свидетельств об этом периоде становления Военно-морской академии весьма мало или они труднодоступны для широкого читателя. В этой связи представляют особый интерес личные воспоминания вице-адмирала Л.Г.Гончарова, написанные им в 1943 году, когда Военно-морская академия находилась в эвакуации в Самарканде.

Хочется обратить внимание читателя на то, как автор воспоминаний перебрасывает «мостик» между тем, чему и как учили в старой академии, и тем, что и как нужно было изучать в новой академии. Интересны детали становления учебного процесса на первых порах. Ниже приводится текст этих воспоминаний.

*Дьяконов Юрий Пантелеевич
кандидат технических наук, доцент
капитан 1 ранга в отставке*

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЕННО-МОРСКОЙ АКАДЕМИИ

Приступая к написанию настоящих воспоминаний, считаю необходимым оговориться, что делается это при отсутствии под руками каких-либо материалов, которые позволили бы установить и уточнить даты некоторых событий, фамилии некоторых лиц, их чины и звания и т.п. Иначе говоря, эти записки пишутся исключительно «на память», человеком почти шестидесятилетнего возраста, вспоминающим события, некоторые из которых имели место 35-36 лет тому назад.

1. Образование Военно-морского Отдела Николаевской Морской академии. Мое поступление в академию и обучение в ней.

Моя связь с академией начинается с 1909 года, когда я поступил в нее слушателем на Военно-морской Отдел.

Я кончил Морской кадетский корпус в 1903 году и до 1908 года плавал на учебных кораблях: «Генерал-Адмирал» и «Герцог Эдинбургский». Эти корабли ежегодно ходили в заграничное 9-месячное плавание. Таким образом, до поступления в академию мне удалось побывать во многих странах, встречаться с

иностранными кораблями: английскими, германскими, французскими, американскими, испанскими, шведскими и побывать на некоторых из них. В 1904-1905 годах я плавал на миноносце «Резвый» и крейсере «Рион», входивших в состав Тихоокеанской эскадры адмирала Рожественского. Я себя считаю «без пяти минут цусимцем», так как совершил на этих кораблях поход от Кронштадта почти до Корейского пролива и лишь за двое суток до Цусимского боя крейсер «Рион» отделился от эскадры для крейсерства в Желтом море. Пишу я это для того, чтобы пояснить, что к моменту поступления в Академию я имел достаточный стаж корабельной службы. Мои другие сотоварищи по Академии имели не меньший служебный стаж, к чему я вернусь ниже.

Осенью 1908 года я поступил в офицерский Артиллерийский класс. Я хотел поступить в Михайловскую Артиллерийскую академию, но в этот год в нее не было приема. Как раз в это время в Морском министерстве разрабатывался вопрос об открытии в Николаевской Морской академии Военно-морского Отдела.

Несколько слов об обстановке, в которой создавался этот Отдел. После Русско-Японской войны, сразу же встал вопрос о воссоздании русского флота. Последовал ряд реформ в Морском министерстве. Был учрежден Морской Генеральный штаб. Начальником этого штаба был назначен талантливый адмирал Брусилов. Вокруг него сгруппировались наиболее передовые морские офицеры. Это была по тому времени «молодежь». Здесь уместно отметить, что морские офицеры русского флота доцусимского периода были великовозрастные. Эта «молодежь» среди других офицеров получила прозвище «младотурок». К ней принадлежали, в большинстве, наиболее положительные офицеры, которые были либо «порт-артурцами», либо принимавшими участие в Цусимском бою⁴⁾. Именно из таких офицеров состоял Морской Генеральный штаб «первого созыва», как их впоследствии называли. Эти офицеры и подняли вопрос о необходимости специальной подготовки офицеров к службе в Морском Генеральном штабе. Одновременно с этим имелось в виду давать соответствующую оперативно-тактическую подготовку и для командиров кораблей.

В итоге было принято решение об образовании в составе Морской академии Военно-морского Отдела, который должен был быть аналогичен Военной академии Генерального штаба. Чтобы подчеркнуть эту аналогию, офицерам, кончавшим Военно-морской Отдел Морской академии, давался серебряный значок об ее окончании, т.е. цвета таких же значков академии Генерального штаба, в отличие от золотых значков, которые получали офицеры, оканчивающие Морскую академию по Гидрографическому и Кораблестроительному Отделам.

Вопрос об образовании Военно-морского Отдела в Николаевской Морской академии и о приеме на этот Отдел слушателей в 1909 году был решен. По-видимому, вставал вопрос и о преподавательских кадрах для этой академии. Я не был в курсе этого вопроса, но хочу по этому поводу отметить следующее. В бытность мою слушателем Артиллерийского класса, в нем преподавал тактику капитан 2 ранга Черкасов В.Н., которого я считаю основателем вверенной мне в настоящее время кафедры «Тактические свойства боевых средств» (ТСБС).

В.Н.Черкасов занимал должность начальника Организационно-тактического отдела Морского Генерального штаба. Видя во мне неплохого ученика, он предлагал мне по окончании классов пойти в преподаватели академии. Я предпочел сначала поучиться и от этого лестного предложения отказался. Такие предложения делались не только одному мне. В конечном результате преподаватели оперативно-тактических дисциплин вновь открытого Отдела академии в основном стали офицеры Морского Генерального штаба. На этом вопросе я считаю необходимым более подробно остановиться.

Как уже говорилось, Военно-морской Отдел должен был давать соответствующие знания флотским офицерам, которые впоследствии должны быть назначаемы командирами кораблей первого и второго ранга и для службы в Морском Генеральном штабе. Структура рассматриваемого Отдела была таковой.

Он состоял из двух курсов основных и третьего - дополнительного. Прием слушателей на этот Отдел был ежегодный, в отличие от двух других отделов академии, на которые прием производился раз в два или три года. На каждом из основных курсов, если не ошибаюсь, было по 15 вакансий, в дополнительные же только пять. Офицеры, оканчивавшие дополнительный курс и предназначенные для службы в Морском Генеральном штабе, считались окончившими Академию по первому разряду, остальные офицеры получали диплом об окончании академии по второму разряду.

Требования для поступления в Академию были достаточно высокие и заключались в следующем: по русскому языку требовалось на вступительном экзамене написать сочинение на военно-морскую тему. В тот год, когда держал экзамен в академию я, была следующая тема: «Значение линейного корабля в ряду прочих классов кораблей». На написание этой работы давалось часа четыре. Далее требовались знания по специальностям в объеме Артиллерийского и Минного офицерских классов. Это относилось как к материальной части, так и к вопросам использования оружия. Аналогичные требования были по штурманской специальности. Когда был образован Штурманский класс, то вступительные экзамены в академию производились по программе этого класса. По машинному делу требовались знания устройств турбин, дизелей и моторов. Следует отметить, что эти механизмы в то время только что внедрялись во флот, и по ним не было никакой литературы. Приходилось учиться со слов у знакомых инженер-механиков. Наконец, требовались знания одного языка в таком объеме, чтобы поступающий в Академию офицер мог переводить со словарем с русского языка на иностранный. В частности, когда я поступал в академию, мне задано было перевести передовую статью из номера газеты «Новое время», вышедшего в день экзамена.

Лица, кончившие офицерские классы, а также имевшие звание штурманов, освобождались от соответствующих экзаменов.

Чтобы подготовиться к экзаменам для поступления в академию, требовались значительные работы. По этому поводу про себя могу сказать следующее. В 1908-1909 году я учился в офицерском классе и хорошо его закончил. По правилам прохождения службы офицерами флота того времени требовалось за каждый год обучения прослужить два. Таким образом я должен был по окончании Артиллерийского класса отслужить два года и после того мог, либо уходить в отставку, либо продолжать служить. В последнем случае я мог поступить в академию. Я просил разрешить мне сразу после окончания Артиллерийского класса поступить в Морскую академию, на что и получил согласие.

Так как я имел звание штурманского офицера и оканчивал Артиллерийский класс, то от экзаменов по этим специальностям я освобождался. Наибольшие трудности на экзаменах я ожидал по иностранному языку, каковым мною был избран французский, а также по русскому языку. В бытность в Артиллерийском классе в Кронштадте я всю зиму брал частные уроки французского языка и продолжал это делать в течение летнего периода, в Ревеле, когда, будучи еще слушателем артиллерийского класса, плавал на учебном корабле «Петр Великий». В это же лето я брал уроки и по русскому языку.

Вступительные экзамены в академию я выдержал, но едва не провалился по минному делу. Произошло это потому, что я изучал образец торпеды наиболее современной в то время. Это я делал на крейсере «Адмирал Макаров», на котором минным офицером был мой большой приятель. Мой же экзаменатор, преподаватель Морского училища, этого образца торпеды сам не знал. Мы с ним поспорили о какой-то «гайке», и в итоге я чуть не пострадал.

Итак, осенью 1909 года был осуществлен первый прием на Военно-морской Отдел Николаевской Морской академии, и я имел честь быть среди слушателей этого приема. Хочется сказать несколько слов об этих слушателях.

Было принято полностью положенное число офицеров. Я оказался самым младшим, как по возрасту (мне было 24 года), так и по чину (лейтенант). Большинство были старшие лейтенанты, было 2 капитана второго ранга, уже отбывшие ценз старших офицеров на кораблях 1-го ранга. Помню, в то время в кругах Морского Министерства дебатировался вопрос о том, офицеров какого возраста и чина следует принимать в академию. Некоторые высказывались за то, чтобы поступающие в академию лица были посолиднее, что это должны быть люди, прежде всего много послужившие и много поплававшие, что это должны быть такие офицеры, которые приносили бы с собой в академию свой опыт. Академия же должна была этот опыт обобщать. Возражающие против приема в академию молодых офицеров высказывали опасение о том, что когда эти офицеры дойдут до командных должностей, то они пере забудут все то, чему их учили в академии. С другой стороны, сторонники приема в академию более молодого состава указывали на то, что чем раньше офицеру будет дано соответствующее тактическое образование, тем более сознательно при своей дальнейшей службе он будет относиться к окружающим его событиям, тем меньше будет делать ошибок, тем, если можно так выразиться, скорее насадится тактическая культура во флоте. Опасаться же того, что офицер растеряет со временем свои знания, не следует, так как академия должна дать такую закалку оканчивающему ее офицеру, при которой он получил бы вкус к науке и продолжал бы в дальнейшем работать над собой самостоятельно.

По-видимому, определенного взгляда по рассматриваемому вопросу установлено не было, а потому по возрасту, как отмечено было выше, состав слушателей был довольно разнообразным.

Кто из офицеров шел учиться в академию на Военно-морской Отдел? По-моему, слушателей этого Отдела, как первого приема, так и последующих, можно разделить на две категории: одни были энтузиасты флота, другие – карьеристы. Надо сказать, что офицерские флотские массы к офицерам, учившимся на Военно-морском Отделе академии, относились осторожно, и я бы не сказал, чтобы с особой симпатией. Плавающий офицерский состав видел в этих «академиках» нарождающихся на флоте «моментов» (в армии «моментами» называли офицеров Генерального штаба, которые, как правило, не пользовались симпатией массы армейских офицеров).

Отметим, что примерное такое же отношение было у флотской офицерской массы и к офицерам, служившим в Морском Генеральном штабе.

Несколько слов о дисциплинах, которые проходились на Военно-морском Отделе. Ведущими дисциплинами были: морская тактика, военно-морское искусство и морская стратегия. Тактика разделялась на три раздела: принципиальную, элементарную и прикладную, которые велись отдельными преподавателями. В принципиальной тактике разбирались принципы, по которым должна быть построена организация флота, в элементарной тактике изучались свойства оружия флота и в прикладной – вопросы боевой деятельности флота. Из этих трех разделов наиболее конкретные данные, подтвержденные в достаточной мере численными расчетами, включала в себя элементарная тактика. Другие два раздела тактики излагались относительно поверхностно. По моему мнению, в них содержалось более «благих пожеланий», чем конкретных положений и решений. История военно-морского искусства даже во время моего обучения в академии была разработана в достаточной мере полно.

Морская стратегия была в зачаточном состоянии. По существу, в большей части слушателям излагались положения из сухопутной стратегии.

Подсобными для основных дисциплин были: военно-морская история, военно-морская статистика и теория корабля. Отдельно читались: Русско-Японская война и, кажется, русско-турецкие войны. Мы, слушатели, военно-морскую историю называли «история о том, кто куда поплыл». Это название очень хорошо

характеризует состояние этой дисциплины в то время, которая напоминала собой хронологический перечень событий, снабженный небольшим количеством анекдотов.

Проходились также дисциплины, где излагались вопросы береговой обороны (ее название я не помню), международное право и военно-сухопутное дело.

Из общеобразовательных предметов я вспоминаю политическую историю, политическую экономию и государственное право. Служба Штаба флота читалась лишь на дополнительном курсе. Слушатели этого курса ходили на лекции по Службе Штаба в академию Генерального штаба.

Когда я начал учиться в академии, ее начальником по совместительству был начальник (директор) Морского училища вице-адмирал Русин. У него был помощник по академии, в то время капитан 1 ранга Шталь А.В., ныне адмирал, профессор нашей академии. Впоследствии был назначен отдельный начальник академии генерал-лейтенант Шульгин. Затем был казначей Азелицкий М.В., работавший до последнего времени в нашей академии, и одна машинистка. Этим и исчерпывался весь персонал академии, если не считать двух швейцаров и двух сторожей.

Распорядок дня для слушателей был такой. На первых двух курсах (я имею в виду Военно-морской Отдел) читались лекции, присутствие на которых было обязательно. Лекции были по 4-5 в день. Начинались они в 9 часов, был часовой перерыв на завтрак. Вечерние занятия были только во время стратегической игры. Очень редко были факультативные лекции, например, таким порядком нам читалось «Воздухоплавание». Вспоминаю также несколько лекций по машиностроению. Никаких собраний и заседаний, обязательных для слушателей, не было. Не было также и занятий по языкам.

На третьем дополнительном курсе лекций вообще никаких не было, если не считать нескольких часов по Службе Штаба на флоте. Ежедневное присутствие в академии слушателей этого курса было не обязательно. Чем были заняты эту слушатели, сказано будет ниже.

Весь курс в академии состоял из теоретических занятий зимой и летней практики.

Теоретические занятия на первых двух курсах преимущественно сводились к лекциям. Сколько помню, практические занятия велись только по предмету элементарной тактики, проводимому капитаном 1 ранга Черкасовым. Эти занятия заключались в построении диаграмм, характеризующих различные корабли русского и иностранных флотов в отношении их бронирования и вероятности попадания в них. Кроме того, велись тактические игры. Все эти занятия проводились в дневные часы.

Велись также стратегические игры. В этих играх принимали одновременное участие слушатели второго и третьего курсов. Они проводились по вечерам и иногда затягивались очень надолго. На стратегических играх посредниками были офицеры, приглашаемые с флота, например, командиры строившихся в то время линейных кораблей, а также служившие в Морском Генеральном штабе.

В конце каждого учебного года на первых двух курсах производились экзамены, сопровождавшиеся оценкой по 12-ти балльной системе.

На первом курсе летние занятия заключались в изучении и составлении описаний побережья Финского залива, выполнявшиеся по заданиям Генерального штаба. По моему мнению, эти занятия были поставлены исключительно хорошо. Чтобы дать представление о них, скажу несколько слов о том, как выполнялись эти работы мною. Изучаемая нашим выпуском часть Финского залива была разбита на районы, заключенные между двумя меридианами. На каждый из таких районов назначались два слушателя. Вместе со мной работал лейтенант Кувшинников, и нам был дан район от меридиана Ганга до меридиана маяка Родшер, что несколько восточнее Гельсингфорса. Для изучения шхер северного побережья нам предоставлялся большой моторный катер службы связи, на котором было 3 человека команды, и имелась каюта, в которой мы, оба слушателя, могли спать. Изучение южного побережья, а также части Моон-Зунда, входившего в наш район, производилось на крейсерах пограничной стражи «Беркут» и «Кондор», которые совершали рейсерство в этом районе. Работа наша была организована так. При изучении северного побережья мы базировались на Свеаборгский порт и жили на блокшиве «Князь Пожарский» (бывшее парусно-паровое судно). На этом судне в наше распоряжение было предоставлено помещение кают-компании для работы и каюта для жилья. Нами были взяты с собой из Морского Генерального штаба материалы, по которым можно было бы составить описание побережья. Что мы и делали, работая на блокшиве «Князь Пожарский». Составив таким образом описание некоторого небольшого участка, на что нами затрачивалось около недели, мы брали помянутый катер службы связи и на нем отправлялись на этот участок. Обходили его, влезая в каждую бухточку, обходя, где возможно, каждый островок, проверяли, насколько правильно составлено нами соответствующее описание и вносили в него необходимые поправки и дополнения. Так мы плавали дней 10-14, затем возвращались в Гельсингфорс и принимались за изучение следующего участка и т.д.

При изучении Южного побережья мы базировались на Ревель, работая на берегу в центральной станции службы связи. Эти занятия продолжались два или три месяца, точно не помню. Никаких руководителей у нас не было. Никто нам никаких, как теперь принято говорить, методических указаний не давал. Дано было только задание, даны были средства - и это было все. Выполненную работу мы сдали в Морской Генеральный штаб.

Осенью слушатели участвовали в сухопутных маневрах Петербургского Военного Округа. Я в этих маневрах не участвовал, так как был вместе со старшим лейтенантом Шевелевым командирован в распоряжение начальника Учебно-Артиллерийского Отряда контр-адмирала Герасимова А.М. На последнего была возложена разработка наставления для боя на Центральной Минной Позии. Занимаясь на первом курсе академии, я увлекся вопросами маневрирования на постоянных курсовых углах, написал по этому

поводу небольшую работу, составил некоторые таблицы. Эта работа стала известна контр-адмиралу Герасимову. Он меня к тому же знал, так как в бытность слушателем Артиллерийского класса я исполнял обязанности старшего штурманского офицера на его флагманском корабле «Петр Великий», а затем и флагманского штурмана. Адмирал поручил нам, двум слушателям академии, графически исследовать возможные маневрирования при бое на позиции обеих сторон: наступающей на позиции и обороняющей ее. Мы эту работу выполнили, если не ошибаюсь, в течение месяца, работая в салоне флагмана, так как нам необходим был для черчения большой стол. Несколько раз выходили в море на кораблях Учебного Отряда для проверки наших исследований практическим маневрированием кораблей. Эту работу мы тоже выполняли вполне самостоятельно, докладывая адмиралу лишь намечаемые нами планы по этапам работы, которые обычно им утверждались.

Я вспоминаю это время сейчас с большим самоудовлетворением – именно в это время я выучился самостоятельно работать и получил уверенность в своей работе.

Хочется сказать несколько слов об участии слушателей нашего выпуска в сухопутных маневрах. Сам я в этих маневрах не участвовал и эту часть воспоминаний пишу с чужих рассказов, в то время слышанных.

Наших слушателей расписали по штабам и каждому дали по верховой лошади. К этому мы подготовлены не были, т.е. верховой езде нас не обучали, а потому произошла масса анекдотов. Действующим лицом одного из них был капитан 2 ранга Кротков. Когда маневры окончились, трубач сыграл какой-то сигнал, по которому все генералы на своих конях поскакали к царю. Поскакал на своем коне и Кротков и по пути столкнулся с каким-то генералом, которого, кажется, к тому же ушиб. Этот генерал страшно рассвирепел и стал ругать Кроткова. Последний, едва сдерживая своего скакуна, хладнокровно ответил: «Скажите спасибо Ваше превосходительство, что мне не дали пики, а то бы Вам пришлось хуже: ведь на этой кобыле полный назад не дашь». Со следующего выпуска слушателей в течение зимы первого года их пребывания в Академии стали обучать верховой езде.

В то же лето в практических занятиях принимали участие лишь слушатели, оставленные на дополнительный курс. Эти занятия носили индивидуальный характер, а именно: слушатели выполняли различные задания Морского Генерального штаба. Я это лето работал вместе со ст. лейтенантом Шевелевым, плавая на Черноморской эскадре. Наши поручения на этот раз заключались в следующем.

В это время в Морском Генеральном штабе разрабатывался вопрос о наиболее целесообразной системе корабельного расписания. В числе различных проектов был проект, предложенный капитаном 2 ранга Кетлинским, который был назначен старшим офицером на линейный корабль «Иоанн Златоуст». На этом корабле было введено расписание, составленное по системе Кетлинского, и вот нам было поручено в течение трех месяцев изучать эту систему, собрать статистические данные и сравнить ее с другими системами. К сожалению, эту работу выполнить так, как этого хотелось, не удалось, так как вскоре после нашего прибытия на корабль вся эскадра встала на «паровое отопление» и плавание прекратилось. Таким образом изучить систему расписания в ходовых условиях нам почти не удалось.

Чтобы понятно было читателю настоящих строк, как протекала учебная работа слушателей описываемого мною Отдела академии, надо остановиться на наших преподавателях.

Тактику, все три раздела, нам читали офицеры Морского Генерального штаба. Это были капитан 2 ранга Черкасов В.Н., капитан 2 ранга Римский-Корсаков, лейтенант Бубнов А.Д. Капитан 2 ранга Черкасов, о котором я уже говорил и которому я более других признателен за все то, что я получил, учась в академии, читал элементарную тактику. Это был исключительно скромный и исключительно работоспособный офицер. Очень культурный офицер, в лучшем понимании этого слова, и очень образованный моряк, много плававший, бывший во время Русско-Японской войны в Порт-Артуре старшим артиллерийским офицером броненосца «Пересвет».

В описываемое время В.Н.Черкасов был Начальником Организационно-тактического отдела Морского Генерального штаба. В этом отделе штаба в числе прочих вопросов сосредоточивались вопросы, связанные с выработкой оперативно-тактических заданий для оружия и кораблей, рассмотрение проектов последних, а также вопросы использования оружия. Таким образом, В.Н.Черкасов был в курсе всех вопросов строительства флота.

Принципиальную тактику читал капитан 2 ранга Римский-Корсаков. Его лекции содержали, на мой взгляд, мало реального. Много было общих слов. Я не был его поклонником. Он был начальником одного из оперативных отделов Морского Генерального штаба, по образованию артиллерист и гидрограф.

Прикладную тактику читал лейтенант Бубнов А.Д. Это был мой товарищ по Морскому Корпусу. Специального образования не имел. Он был хороший оратор. Был талантлив. Служил в одном из оперативных отделов Морского Генерального штаба. Авторитетом среди слушателей не пользовался.

Военно-морское искусство и морскую стратегию читал капитан 1 ранга Кладо Н.Л. Личность, несомненно, интересная. Прежде всего, следует отметить, что он был прекрасным лектором. Его лекции слушались с большим интересом. На них никто не спал, чего нельзя сказать о многих других наших преподавателях. Его лекции приходили слушать офицеры из Генерального штаба и другие, ничего общего не имевшие с академией. Н.Л.Кладо был в некоторой оппозиции к Морскому министерству. В своих лекциях он иногда довольно резко критиковал бывшие порядки в нашем министерстве. Он нам читал преимущественно историю военно-морского искусства. Вопросы стратегии, в особенности, морской, были пройдены не глубоко. Это я говорю о нашем первом выпуске. В дальнейшем он над этим курсом работал много. Полезность лекций

Н.Л.Кладо отрицать нельзя, но, по моему мнению, можно и следовало этот курс преподнести нам более конкретно, а не столь абстрактно, как это делалось.

Военно-морскую историю читал генерал-лейтенант Аренс, участник войны 1877-1878 гг., имел солдатский орден Св.Георгия. Несомненно, лучше было бы, если бы он нам совсем ничего не читал. Это именно он неоднократно читал нам лекции о том «кто куда и когда поплыл», иногда даже не говорил - зачем. Он очень был требователен на экзаменах и ему я обязан тем, что моя фамилия не была занесена на Мраморную доску. На эту доску заносили фамилии офицеров, имевших по всем предметам оценку 12 баллов. У меня такой оценки не было только у генерал-лейтенанта Аренса. На экзамене он мне поставил 11 и вот за что. По билету я должен был рассказать о взятии Анапы. Я рассказал все, как будто бы неплохо, но забыл фамилию командующего русскими войсками. На соответствующий вопрос экзаменатора я ответил – кажется, Петров. Возмущению Аренса не было предела: оказалось, что это был не какой-то Петров, а Петровский и к тому же граф. Один из моих сотоварищей получил на его экзамене по военно-морской истории 10, и вот за что. Аренс его спросил, как Екатерина II отзывалась о Финляндии? Надо было сказать, что, по словам Екатерины II, «Финляндия была титькой России». Вопрошаемый так ответить не сумел. Полученная им десятка не дала ему возможности остаться на дополнительном курсе. Вспоминая генерал-лейтенанта Аренса, я должен сказать, что это был единственный такой чудак среди наших преподавателей, впрочем, на него немного походил действительный статский советник Георгиевский, читавший нам политическую экономию, который на экзамене так же требовал изложения наизусть цитат из его курса.

Интересны были лекции по Русско-Японской войне, читанные ст.лейтенантом Немитцем А.В., также офицером Генерального штаба. В этих лекциях А.В.Немитц, не стеснясь, критиковал адмиралов и командиров кораблей Порт-Артура, многие из которых в то время были у власти.

Читал нам лекции и старший лейтенант Новиков Н.В., еще недавно бывший преподавателем нашей академии, а в то время служивший в Морском Генеральном штабе.

Военно-морскую статистику нам читал капитан 2 ранга Янович, служивший также в Морском Генеральном штабе. Это был преподаватель весьма посредственный, если не сказать большего. Этому отвечало и содержание читанного им курса.

Вопросы береговой обороны нам читал профессор военный инженер Буйницкий - большой авторитет того времени в вопросах крепостного строительства.

Очень приятно вспомнить лекции Крылова А.Н., кажется, в то время капитана, ныне академика и Героя Социалистического Труда. Мне особенно запомнилась его вступительная лекция. Прежде всего, он на ряде примеров показал нам, насколько важно для командира корабля быть грамотным в вопросах теории корабля. Мне запомнился один из них. Командир одного из кораблей получил приказание торпедой потопить какой-то другой корабль. Он сделал выстрел. Торпеда попала. Пораженный корабль стал медленно крениться на бок. Чтобы ускорить его гибель, это командир выпустил вторую торпеду в другой борт корабля. Последний перестал крениться и остался на плаву. Далее А.Н.Крылов сказал нам примерно следующее:

- Вы, господа флотские офицеры, считаете ниже вашего достоинства иметь дело с интегралами. Поэтому я прочитаю порученный мне курс, пользуясь исключительно четырьмя правилами арифметики.

Так он и делал, только изредка употреблял слово «предел». Курс лекций сопровождался решением несложных задач. Так нам было показано, как рассчитывать площади и объемы, как определить крен корабля при затоплении отсеков, как при этом изменяется остойчивость корабля. А.Н.Крылов познакомил нас с методом определения основных элементов проектируемого корабля путем решения весового уравнения корабля. Разбирая с нами вопросы качки, он ознакомил нас с опытами, которыми он руководил в Черном море на канлодке «Уралец». Знакомил нас также с опытом по подводным взрывам, проводившимся в опытном бассейне, начальником которого он был, а также по подрыву отсека в Севастополе. Мною лично этот курс был настолько хорошо освоен, что много позже, а именно в 1926 году, когда я работал над книгой «Пособие для выработки оперативных и тактических заданий для оружия и судов флота», я написал раздел этого пособия об определении основных элементов корабля, пользуясь исключительно теми записями в своей тетради, которые остались от лекций А.Н.Крылова.

Лекции профессора Буйницкого были весьма содержательны, но вызывали много дебатов. Профессор Буйницкий пытался вывести коэффициент, который устанавливал бы соотношение мощности орудий, устанавливаемых на берегу и на корабле.

Военно-сухопутное дело читалось в достаточной мере скверно. Преподавал нам полковник Генерального штаба Алексеев. У большинства слушателей остался в памяти лишь перечень цветов кантиков и отделок, присущих различным гвардейским полкам.

Международное право читал профессор этого права Овчинников. Его лекции были интересны. Сам он был участником многих международных конференций и рассказывал много из своего опыта.

Государственное право читалось капитаном 1 ранга Шульцем. Если не ошибаюсь, он в то время был флагманским аудитором штаба Командующего Балтийским флотом. Во флоте считали его принадлежащим к кадетской партии. Он разбирал нам конституции почти всех стран. Эти лекции для нас были очень интересны, и мы охотно их слушали, так как в них было много нового для нас – офицеров, получивших образование в Морском корпусе.

Также мы очень интересовались лекциями профессора Полиевктова, читавшего нам политическую историю. Полиевктов был, если не ошибаюсь, профессором женских Бестужевских Курсов. Исторические события освещались на этих лекциях непривычным для нас, офицеров, светом.

Политическую экономию преподавал профессор Георгиевский. Это был сугубый монархист, даже в то время за эти свои убеждения он был уволен в отставку из Петербургского университета. Из его лекций у меня остались в памяти, по-видимому, любимые им вопросы, к которым он неоднократно возвращался. Это была теория Бембаверки о предельной стоимости (в качестве примера приводилась «стоимость стакана воды в пустыне») и теория Мальтуса, которая рекомендовала рабочему классу для поддержания своего благосуществования не плодиться и не размножаться. У профессора Георгиевского был напечатанный курс политической экономии в 2-х томах, и мы были должны его добросовестно заучивать и сдавать на экзаменах.

Справедливость требует отметить, что эти, так называемые общеобразовательные дисциплины указали многим из нас, в том числе и мне, на наше весьма ограниченное офицерское развитие. Мы принялись восполнять этот пробел самостоятельным чтением. Я лично пользовался учебниками по философии, логике и другим предметам высших учебных заведений.

Вспоминаю, что философские книги мне лично читать было очень трудно, куда труднее, чем математические или технические и тем более специальные. Читаешь одного философа, кажется, что он прав, начинаешь читать другого, кажется, что этот тоже прав. Пока читаешь книгу до конца, забудешь, что было в начале. Приходилось брать за книгу сызнова, но, все-таки, в конце концов книга осиливалась.

Вспоминая своих преподавателей по академии, хочу подчеркнуть следующее. Хотя они были очень загружены своей основной службой в Морском Генеральном штабе и, хотя они читали нам вновь разрабатываемые ими курсы, они все же очень аккуратно снабжали нас своими лекциями, которые выписывались в литографированном виде, обычно, спустя несколько дней после того, как лекция была прочитана.

В бытность мою слушателем академии, большинство из нас занималось парами. Я занимался со ст. лейтенантом Шевелевым. Почти каждый вечер мы приходили один к другому домой, просматривали наши записи, сделанные на лекциях, или просматривали соответствующие учебники и пособия, а затем друг другу рассказывали изученное. Мы старались научиться говорить. Часто вступали в споры.

Из написанного мною о наших преподавателях видно, что большинство из них, и в особенности читавших нам ведущие дисциплины, были офицерами Морского Генерального штаба. В этом была польза, выражавшаяся, прежде всего, в том, что они были в курсе строительства флота, в то время бурно развивавшегося, и втягивали нас в вопросы, связанные с этим строительством. Из сказанного также видно, что занятиями в академии мы были совершенно не перегружены. У большинства же из нас не было достаточно денег, чтобы пользоваться благами столичной жизни. Попутно замечу, что во время пребывания в академии, слушателям выплачивалось жалование, как пребывающим на берегу. Для примера скажу о себе, что слушателем академии я получал 128 рублей в месяц, в то время, как до поступления в академию, на корабле, я получал рублей 300. К тому надо добавить, что сама жизнь на корабле была много дешевле. Итак, времени у нас было достаточно, а веселиться не на что. Поэтому мы часто предлагали нашим преподавателям помочь им своей работой в Морском Генеральном штабе. Иногда же сами преподаватели просили нас об этом. Часто нас включали в состав комиссии, где мы обычно вели самую, что ни на есть «черную» работу. Иногда нам давались для разработки отдельные вопросы. Помню один из таких. Мне было поручено изучить за 10 лет донесения наших морских атташе в Англии и во Франции и сделать по ним заключения о вероятной тактике в бою этих флотов.

Таким образом, уже в течение первых двух лет обучения в академии, многие из наших слушателей в той или иной мере принимали участие в работах Морского Генерального штаба. Некоторые из слушателей работали в редакции Военной энциклопедии, одним из редакторов морского отдела которой, был капитан 2 ранга Кладо. Работы в этой редакции были тоже полезны для слушателей. На собраниях редакции обсуждались темы, обсуждались и написанные статьи, авторами которых бывали слушатели.

Нельзя не отметить и еще одного вида научной работы слушателей во время их пребывания в академии. Я имею в виду их участие в работе общества Офицеров флота. Таких обществ в Балтийском флоте было два. Одно в Кронштадте, другое - в Санкт-Петербурге. Последнее общество собиралось в стенах нашей академии. В течение зимнего времени собрания этого общества происходили обычно раз в месяц по вечерам. Активными участниками этого общества были офицеры Морского Генерального штаба, а также командиры и офицеры строившихся в Петербурге кораблей. Членами этого общества были и слушатели академии. На этих собраниях делались доклады, преимущественно на тактические темы, которые впоследствии подвергались обсуждениям, зачастую подвергались жарким дебатам. Тему одного из своих таких докладов я помню: это было: «Вероятность попадания в миноносцы при отражении их торпедных атак артиллерией корабля и влияние на эту вероятность маневрирования миноносцев».

Третий курс обучения, т.е. пребывание на дополнительном курсе, заключался в следующем: каждый слушатель получал по две темы: одна носила тактический характер, другая – организационный. Темы эти давались Морским Генеральным штабом и вытекали из запросов последнего. Получив тему, слушатель в дальнейшем предоставлялся самому себе. К его услугам были все необходимые по этому вопросу материалы штаба. Если представлялась необходимость пользоваться материалами других учреждений, Морской Генеральный штаб обеспечивал и это. На разработку каждой темы давалось 3-4 месяца. По окончании каждой темы по существу происходила их защита. Слушатель докладывал свою работу. По ней высказыва-

лись все присутствующие, среди которых, помимо слушателей, бывало обычно, много офицеров Морского Генерального штаба, а также с флота. Затем слово предоставлялось официальному оппоненту, который впрочем, так же не назывался. Обычно это был тот офицер штаба, который эту тему выдвигал. Сколько помнится никакой большой оценки за эти работы не давалось. Для суждения о темах этих работ, привожу названия тех, разработка которых была поручена мне:

- Сравнение действия и маневрирования в бою бригад линейных кораблей 3-х и 4-х корабельного состава;
- Организация Штабов флотов.

Первая тема в то время носила актуальный характер, так как в Морском Генеральном штабе возник вопрос, каким наиболее целесообразным должен быть состав бригад линейных кораблей и броненосных крейсеров. В то время в Балтийском флоте строились бригады, состоящие из 4-х кораблей, а в Черноморском – из 3-х. Эта моя работа была вскоре же издана Морским Генеральным штабом типографским способом.

Вторая тема имела не меньшее практическое значение. До этого времени никаких положений о Штабах флотов у нас не было. Моя работа заканчивалась проектом соответствующего положения о Штабах флотов и штатами того и другого, и проект этот был положен в основу вышедшего вслед за этим положения о Штабах флотов, вернее, он вошел в него почти целиком с малыми изменениями.

Вспоминаю также одну из таких работ ст. лейтенанта Шевелева – «Организация командования приморскими крепостями». Это тоже был по тому времени чрезвычайно злободневный вопрос. Разработанные Шевелевым положения, нашли отражение в вышедшем впоследствии положении о строившейся в то время Морской крепости Петра Великого (Ревель).

Таким образом, из сказанного следует, что темы, разрабатываемые слушателями дополнительного курса, имели большое практическое значение для флота. Это обстоятельство еще больше стимулировало слушателей в этой их работе.

На разработке этих тем, мы слушатели еще более приучились к самостоятельной работе и получили уверенность в том, что можем это делать.

Таким образом, закончилось наше обучение в академии, продолжавшееся неполных три года. Интересно отметить, что из всех пяти офицеров первого выпуска Военно-морского Отдела Морской академии, окончивших дополнительный курс и предназначавшихся на службу в Морском Генеральном штабе, никто не пошел служить в этот штаб. Мы все так соскучились за время пребывания в Академии по кораблям, по морю, что прилагали все усилия для того, чтобы не остаться на берегу. В частности я был назначен старшим флагманским офицером Оперативной части штаба Командующего Балтийским флотом. Капитан 2 ранга Шевелев – начальником Распорядительной части того же штаба, капитан 2 ранга Дударов – в службу Связи Балтийского флота, начальником организовавшейся в то время Службы авиации. Назначение других товарищей по этому выпуску сейчас не помню.

О своей работе в бытность слушателем академии, вспоминаю еще следующее. Осенью 1911 года мне было предложено читать лекции по тактике в офицерском Артиллерийском классе, вместо капитана 2 ранга Черкасова. Я был назначен штатным преподавателем этого класса и ездил из Петербурга в Кронштадт еженедельно, в течение зимы 1911-1912 годов на двое суток для чтения лекций и проведения практических занятий. Офицерский Артиллерийский класс подчинялся начальнику Учебно-артиллерийского Отряда Балтийского флота, которым командовал, уже упоминавшийся мною контр-адмирал Герасимов М.А. Последний придерживался того мнения, что офицеры-артиллеристы должны обладать большим военно-морским кругозором, и, в частности, должны знать свойства чужого оружия, не хуже чем своего. Это, по его мнению, было необходимо для того, чтобы артиллеристы знали в каких условиях возможно использовать их оружие. Поэтому мне было предложено заняться тактикой миноносцев при торпедных атаках. Будучи на первых курсах академии, я уже делал попытки применить теорию вероятностей к торпедным стрельбам. Я начал писать курс для Артиллерийского офицерского класса: «Самодвижущая мина и средства борьбы с нею», который и был на следующий год издан литографским способом этим классом, а не Минным, в котором я преподавал уже на следующий год.

По приказанию того же контр-адмирала Герасимова мне было предложено провести в Артиллерийском офицерском классе тактическую игру на тему: «Бой на минной позиции». К этой игре мне пришлось много готовиться, как самому, так и готовить слушателей. Буквально никакой литературы по этому вопросу не было. Пришлось заняться самому. В то время вопросы минно-трального дела были сосредоточены в Минном отделе Главного Управления Кораблестроения и, в частности, ими ведал капитан 1 ранга Шрейбер, изобретатель и конструктор большинства наших мин и тралов того времени. Я обратился к нему и, при его содействии, написал небольшую книгу «Тралы и их использование», которая была напечатана в 1917 году. Это был первый мой напечатанный труд.

Пишу я об этом, во-первых, для того, чтобы показать, как в то время относились передовые моряки, к которым несомненно относился и контр-адмирал Герасимов, к изучению свойств оружия офицерами-специалистами и, во-вторых, чтобы показать, что в академии, на Военно-морском Отделе была создана такая обстановка для слушателей, которая давала им возможность самостоятельно работать и развивать в этом свои навыки. Я с уверенностью пишу о том, что офицеры, которые кончали дополнительный курс Военно-морского Отдела Николаевской Морской академии, являлись вполне подготовленными работниками,

как для штабной работы, так и для научно-исследовательской. Это я пишу, вспоминая, как своих товарищей по выпуску, так и офицеров последующих выпусков.

Чтобы закончить свои воспоминания, связанные с моим обучением в академии, хочу сказать следующее. В 1912 году, непосредственно перед нашим выпуском из академии, вместо капитана 2 ранга Черкасова, начал читать элементарную тактику капитан 2 ранга Игнатьев Н.И. Известный в то время морской артиллерист, пользовавшийся авторитетом и популярностью на флоте, он занимался вопросами тактики морской артиллерии. Вопросами минно-торпедного оружия он не занимался, а потому он пригласил меня прочитать слушателям этот раздел курса, что я и сделал. Таким образом, еще будучи слушателем академии я уже читал в ней и лекции.

На этом я заканчиваю свои воспоминания о годах, проведенных мною слушателем Николаевской Морской академии.

Сейчас, когда после этого прошло уже 32 года, в течение которых я непрерывно служил на флоте, работая преимущественно в штабах действующего флота, в Морском Генеральном штабе и в нашей академии, я хочу сказать, что академия мне дала очень много. В академию я пришел дисциплинированным командиром, неплохим моряком, знавшим условия корабельной жизни, знакомым с артиллерийской и штурманской специальностями. В академии я, несомненно, развился и вырос. На многие вещи стал смотреть другими глазами и никогда не пожалел времени, проведенного в ней.

Начальство академии мы никогда не видели. Оно, несомненно, не мешало нам работать. Вероятно, помогало, так как, сколько не стараюсь вспомнить, не припоминаю случаев, чтобы мы встречали какие-либо затруднения в нашей работе. Что делало командование академии, чтобы создать такие условия, я не знаю. Но, во всяком случае, я очень ему признателен и благодарен.

По окончании академии наш выпуск преподнес академии большой портрет адмирала Федора Федоровича Ушакова, который, по нашей просьбе, был повешен в той аудитории, где мы начали свои академические занятия. Выпуск слушателей Военно-морского Отдела академии после нас, следуя нашему примеру, установили обычай преподносить академии подобные портреты знаменитых флотоводцев.

Перехожу теперь к освещению вопросов, связанных с возникновением факультета Оружия. Я считаю себя одним из инициаторов его создания. Сколько помню, высказывания о необходимости иметь морских артиллерийских офицеров со специальным высшим военно-морским образованием начались во флоте в 1912-1914 гг.

После Русско-Японской войны в Морском министерстве начались усиленные работы, связанные с воссозданием флота по всем специальностям. Но особенно интенсивно они протекали по морской артиллерии. Велись изыскания как в области создания наиболее совершенной материальной части этого оружия, так и в области тактики морской артиллерии и, прежде всего, по выработке правил артиллерийских стрельб.

Центром артиллерийской научной мысли во флоте в это время был Учебно-артиллерийский Отряд Балтийского флота, а точнее – офицерский Артиллерийский класс, входивший в состав этого Отряда. Здесь была образована комиссия, которой была поручена разработка правил артиллерийских стрельб и тактических инструкций по артиллерии (точное название этой комиссии не помню). Председателем этой комиссии, вскоре после ее образования, был назначен капитан 1 ранга Герасимов, впоследствии контр-адмирал, о котором уже неоднократно упоминалось выше. М.А.Герасимов был образованным офицером с широким кругозором. Во время Русско-Японской войны он был старшим офицером на одном из броненосцев в Порт-Артуре. По специальности он был минер, но затем кончил Михайловскую Артиллерийскую академию и сделался артиллеристом. Это был, кажется, единственный из морских офицеров, по крайней мере мне был известен только он один, который носил на правой стороне груди смешанный артиллерийско-минный значок с перекрещивающимися между собой орудийным стволом и торпедой. Деятельное участие в работе этой комиссии принимали артиллерийские офицеры Учебного Отряда. Затем к ее работе стали привлекаться и артиллерийские офицеры кораблей других соединений.

В основу работы этой комиссии при выработке правил артиллерийских стрельб было положено применение теории вероятностей. Следует отметить, что артиллерийские офицеры, кончившие Артиллерийский класс, многие из которых, несомненно, были способные и имевшие за собой боевой опыт, все же не обладали должным математическим образованием, а также и инженерным. Это, несомненно, сказывалось и на их работе в этой комиссии. В этот период во флоте стали появляться морские офицеры, окончившие Михайловскую Артиллерийскую академию. В этой Академии для моряков было, кажется, всего три вакансии. Поступить в эту Академию желающих было много. Это объяснялось тем, что после Цусимы артиллерия во флоте была в большой моде и, кроме того, наиболее способные офицеры стремились к инженерному образованию. Вступительные экзамены в эту академию кандидаты держали при Морской академии. К поступающим предъявлялись большие требования по математике, значительно превышающие программы Морского корпуса. Обычно экзаменатором был А.Н.Крылов, который был чрезвычайно строг. Обычно он ставил три отметки: 12, 11 и 2. При этом он говорил, что двойку он ставит для того, чтобы у начальства не было сомнений в познаниях экзаменуемого. Следовало бы, по его словам, в этих случаях ставить единицу, но этого он не делает, чтобы не умалить офицерского достоинства. Таким образом, отбор

для поступающих в Артиллерийскую академию был чрезвычайно строг и обеспечивал наличие в ней способных моряков, которые обычно и оканчивали ее одними из первых с соответствующими отличиями.

Офицеры непосредственно по окончании Михайловской Артиллерийской Академии назначались в плавание на корабли Учебно-артиллерийского Отряда, где они проходили курс стрельб вместе со слушателями Артиллерийского офицерского класса и вместе с ними сдавали экзамены по предметам, проходившимся во время летней практики. После этих экзаменов они получали звание артиллеристов 1 разряда, в то время как окончившие Артиллерийский офицерский класс получали звание артиллериста 2 разряда, а звание 1 разряда – только после нескольких лет службы в должности артиллериста на корабле. Разряд оказывал существенное влияние на размер жалования.

В течение лет, к которым относятся эти строки, из Михайловской Артиллерийской академии вышла группа офицеров. Это были: Кедров, Свиньин, Варетус, Федяевский и др. Эти офицеры сразу же выдвинулись по службе, получили должности флагманских артиллеристов. Трое из них преподавали артиллерийские стрельбы в Артиллерийском классе. Ими были написаны первые курсы по этому предмету. Они же приняли участие и в работах указанной артиллерийской комиссии. Двое из них, занимая один после другого должность флагманского артиллериста штаба Командующего Морскими силами Балтийского флота, принимали большое участие в испытаниях и освоении новой артиллерийской техники на вступавших в строй вновь построенных кораблях.

В этих офицерах некоторые лица видели таких, которые именно и нужны флоту по своей математической и инженерной подготовке, которые должны быть способны поднять на должную высоту морскую артиллерию и на таковой ее поддерживать. Но наряду с этим сами же моряки, кончавшие Артиллерийскую академию, указывали, что учась в последней, они тратили много времени на изучение дисциплин, совершенно не нужных для их дальнейшей деятельности. Отсюда появляются первые мысли об организации подготовки артиллеристов-инженеров в Морском министерстве.

Я хорошо помню, что в тех случаях, когда шла речь о необходимости иметь во флоте морских артиллеристов с академическим образованием, обычно имелось в виду комплектование ими, в первую очередь, должностей флагманских специалистов. Предполагалось, что инженерное образование им необходимо, прежде всего, для того, чтобы они могли наладить технически правильную эксплуатацию артиллерийского вооружения на кораблях и, что особенно важно, чтобы они могли предъявить грамотные и осуществимые требования к береговым учреждениям, относящимся к строительству флота, и критически относиться к тому, что собираются дать флоту деятели береговых учреждений. Полагалось также, что хорошее математическое образование должно обеспечить доведение до должной высоты правил артиллерийских стрельб. Наконец, имелось в виду, что, обучаясь в Морской академии, офицеры, наряду с математическим и инженерным образованием, получают хорошую тактическую подготовку. Считалось, что после должности флагманского артиллериста для офицера с академическим образованием прямая дорога в командиры линейного корабля.

О том, что артиллеристы с академическим образованием должны подготавливаться и для службы в центральных учреждениях, разговоров обычно не было. По-видимому, вопрос об укомплектовании этих учреждений в то время не стоял. Такое же впечатление по этому поводу оставалось, по крайней мере, у меня.

Так обстояло дело с вопросом о необходимости организовать во флоте офицеров-артиллеристов с академическим образованием.

Вспоминая о том, как непосредственно после Русско-Японской войны развивалось во флоте минно-торпедное оружие, приходится отметить следующее. Прежде всего, надо указать, что это оружие не пользовалось в то время популярностью среди морских офицеров. Офицеры наиболее энергичные, хотевшие создать себе служебную карьеру, стремились в Артиллерийские классы. В Минный класс шли офицеры, стремившиеся к более спокойной службе.

Бросалось в глаза почти полное отсутствие в минно-торпедном деле развития тактической мысли. Материальная часть, и в особенности минно-торпедная, стала развиваться непосредственно после Русско-Японской войны. Но это было дело рук отдельных энтузиастов минно-трального дела. Их работа сосредоточивалась преимущественно в Минном отделе Главного Управления Кораблестроения, а также в Отряде заградителей Балтийского флота.

Хуже всего обстояло дело с тактикой торпедного оружия. Необходимо сказать, что Морской Генеральный штаб последнему вопросу уделял должное внимание. В разрабатываемой в то время программе строительства флота торпедным кораблям-миноносцам было уделено должное место. Кроме того, в составе действующего Балтийского флота относительно большое удельное значение имели миноносцы, часть из которых были по тому времени большого водоизмещения – это были легкие крейсера, построенные на добровольные пожертвования.

В соответствии с этим по инициативе Морского Генерального штаба была образована при Учебно-минном Отряде Балтийского флота минная комиссия (точного ее названия я не помню), аналогичная артиллерийской. Минная комиссия должна была разрабатывать правила торпедных стрельб и торпедных атак (в то время они назывались минными) и различные тактические инструкции. Председателем этой комиссии был начальник Учебно-минного Отряда контр-адмирал Сопсай, по образованию артиллерист, офицер в достаточной мере посредственный.

Никакой теории торпедной стрельбы в то время не существовало. Вся эта теория сводилась к решению торпедного (вернее скоростного) треугольника, который тогда не был так исследован, как теперь.

Первое выработанное этой комиссией постановление для производства атак заключало в себе в основном лишь перечень общих положений о выборе выгодной позиции для атаки. Здесь упоминалось о влиянии на этот выбор расположения солнца, луны, берега и т.п. Никаких указаний, основанных на числовых расчетах, не было. Помню, что на одном из заседаний контр-адмирал Герасимов назвал это постановление «книгой благих пожеланий». Помню за это время только одну статью капитана 2 ранга Прохорова, который делал анализ выгодной позиции для торпедного залпа с учетом изменения размеров цели в зависимости от ее курсового угла. О применении теории вероятностей к торпедным стрельбам офицеры-минеры не помышляли. Наоборот, когда я в 1912 году выступил с этим вопросом, то встретил большое противодействие со стороны минеров, пользовавшихся в то время авторитетом. При этом указывалось, что по своей природе артиллерийский снаряд и торпеда в отношении применения теории вероятностей к вопросам их использования не сравнимы.

Короче говоря, тактическая мысль у минеров значительно отставала по сравнению с таковой у артиллеристов. Сколько вспоминаю, высказывания о необходимости иметь и минных офицеров с академическим, инженерным образованием исходили не от минеров.

Обычно те лица, которые по стрельбе стояли повыше и которые поднимали вопрос о необходимости иметь с академическим образованием флагманских артиллеристов, по аналогии указывали и на необходимость давать такое же образование флагманским минерам. Одно, что было совершенно ясно, это то, что последнее может быть осуществлено только в пределах Морского министерства. Если можно было посылать флагманских офицеров учиться в Михайловскую Артиллерийскую академию, то ничего подобного нельзя было предпринимать в отношении минеров.

Было еще одно обстоятельство, говорившее о необходимости организовать подготовку флотских инженеров-минеров в Морском министерстве. Я уже ранее говорил, что недостатка в артиллеристах-инженерах в центральных учреждениях Морского ведомства не ощущалось. Соответствующие должности там замещались артиллерийскими офицерами, окончившими академию и переходившими из сухопутного ведомства. Таких лиц по специальности минно-торпедной не было. В минном отделе работали энтузиасты минно-торпедного дела, лица, несомненно, положительные, но которых можно охарактеризовать как «кустарей-одиночек».

Сейчас, не располагая никакими архивными материалами, я не могу сказать, кто, когда и кому подавал докладные записки с проектами об организации в Морском министерстве подготовки инженеров-артиллеристов и минеров с академическим образованием. Помню, что в период с 1912-1914 гг. на эту тему было много разговоров. Разговоры в министерстве на эту тему продолжались и во время войны в 1914-1918 гг. Сам я служил в это время в штабе Командующего Морскими Силами Балтийского моря адмирала Эссена, а затем в Морском Генеральном штабе, неоднократно докладывал о необходимости создания из флотских офицеров-минеров специалистов с академическим образованием и адмиралу Русину - начальнику Морского Генерального штаба, и адмиралу Муравьеву – товарищу Морского министра, и адмиралу Григоровичу - Морскому министру, и никогда не слышал возражений против этого. Но во время войны Морская академия как учебное заведение не функционировала, а потому этот вопрос откладывался до окончания войны.

Февральская, а затем Октябрьская революции застали меня командиром строящегося в Петербурге одного из миноносцев типа «Новик» и по совместительству исполняющим должность начальника Организационно-тактического Отдела Морского Генерального штаба. Одновременно я числился и преподавателем Морской академии. В 1918 году я вместе с Морским Генеральным штабом был эвакуирован в Москву. В 1919 году я был отчислен от этого штаба и переведен в Петроград в академию.

В это время слушателей в академии не было, но уже был поставлен вопрос о подготовке к занятиям. Вскоре после этого мною была подана по команде докладная записка об образовании в Морской Академии отдела Оружия. Вопрос получил благоприятное разрешение, и мне была поручена работа по организации этого отдела, которая заключалась, главным образом, в разработке учебного плана, составлении программ и подборе преподавательского состава. Была образована специальная комиссия для выработки программ проектируемого отдела, в которую входили сотрудники центральных учреждений Народного Комиссариата по Военным и Морским делам. По моему предложению Председателем этой комиссии был назначен А.Н.Крылов. Большинство членов этой комиссии, главным образом из преподавателей гражданских ВУЗ-ов, были назначены по указанию А.Н.Крылова.

Работа этой комиссии продолжалась несколько месяцев.

Учебный план предусматривал наличие двух групп: артиллерийской и минной. Дисциплины математические, общеинженерные и оперативно-тактические, кроме тактики оружия, должны были проходиться артиллеристами и минерами вместе. Отдельно должны были проходиться инженерные дисциплины, специальные и тактика своего оружия. Предусматривалось наличие игр, при этом имелось в виду в части из них одновременное участие артиллеристов и минеров.

В основном программы были рассчитаны на подготовку флагманских специалистов и работников центральных учреждений своего Комиссариата.

В 1920 году был осуществлен прием слушателей на отдел Оружия Военно-Морской академии. Это были бывшие флотские офицеры. Однако в 1921 году все слушатели этого приема были от академии отчислены.

Следующий набор состоялся весной 1922 г. На этот раз в академию пришли люди с флота, среди которых были и бывшие матросы царского флота. Для этих лиц были образованы подготовительные курсы: одногодичные, двухгодичные и трехгодичные.

Большая часть из этих людей успешно окончила академию. Дипломные проекты многих из них были интересны и оригинальны. Некоторые из слушателей, окончившие факультет Оружия, заняли должности флагманских специалистов, некоторые пошли в научно-исследовательский институт и в аппарат военпредов.

Я занимал должность Начальника сначала Отдела затем факультета Оружия в течение 10 лет, с 1920 по 1930 г.

Непосредственным моим помощником был Б.Д.Яшнов, который по существу исполнял обязанности начальника учебной части Отдела (факультета). Он ведал составлением расписаний занятий и, что самое главное, согласованием программ.

Нам с Б.Д.Яшновым не удавалось осуществить обучение слушателей в полном соответствии с планом, выработанным при основании Отдела - возникали разного рода помехи этому. То мы получали из Москвы приказание ввести обучение слушателей химии в обязательном порядке с определенным числом часов, то еще какой-нибудь дисциплины. Помню даже как было приказано ввести изучение курса корабельной санитарии. Но мы с Б.Д.Яшновым старались, чтобы все это в возможно меньшей степени отражалось на изучении основных дисциплин.

Должен отдать справедливость слушателям, что они относились к занятиям исключительно серьезно и добросовестно, как люди, желающие получить возможно больше знаний. Между слушателями и преподавателями, насколько помню, недоразумений не было. По крайней мере, я сейчас таких случаев не припоминаю. Помню только один случай, когда профессор Н.Ф.Дроздов очень обиделся на то, что, придя на консультацию к дипломантам, никого из них не застал. Он хотел совсем оставить занятия в академии, и его с трудом удалось от этого отговорить.

Меня, как начальника Отдела (факультета), слушатели, да и преподаватели беспокоили мало. Мало беспокоило и начальство. Достаточно сказать, что, будучи начальником Отдела Оружия академии, одновременно с этим я был тогда еще и начальником Соединенных классов по подготовке специалистов командного состава флота, вел в академии две дисциплины: а) по свойству оружия и б) по торпедной стрельбе, имел много лекционных часов, как в академии, так и вне ее, при этом имел возможность писать курсы.

Вспоминая свою работу в должности начальника факультета Оружия, я не могу не выразить своей глубокой признательности инженер-капитану 1 ранга профессору Яшнову В.Д. Он очень много мне помогал в то время. Если для меня были совершенно ясны те требования, которые должны удовлетворять программе отдела Оружия в отношении предметов специальных, а также оперативно-тактических, то с предметами общеинженерного цикла мне, как не имеющему инженерного образования, разбираться было трудно, и вот в этих вопросах помощь В.Д. Яшнова была особенно ощутима. Я до сих пор не могу забыть одной оплошности, которую я себе невольно позволил относительно него. Это было лет 15 тому назад. У нас был очередной выпуск. Во время торжественного заседания в зале Революции Морского училища начальник академии тов. Александров обратился ко мне с просьбой, чтобы я написал ему фамилии тех профессоров и преподавателей, работу которых следует ему отметить в его заключительной речи. Я написал этот список, но не внес в него Н.Д.Яшнова. Конечно, не по злему умыслу, а только потому, что я так привык работать по факультету вместе с ним, что его считал как бы неотделимым от себя в этой работе. В тот же вечер я заметил эту свою оплошность, извинился перед В.Д.Яшновым, на что последний заверил меня в отсутствии у него обиды на это. Надо прямо сказать, что на одном В.Д.Яшнове лежала вся та работа, которая должна составлять предмет работы учебной части факультета. В то время таковой части при факультете не было, не было даже и делопроизводителя. На факультете же одновременно обучались четыре выпуска (курса), следовавших один за другим, и в каждом из них было по две группы: артиллеристы и минеры. Необходимо было составлять расписания лекций, разрабатывать планы летних занятий, проводить эти планы в жизнь и т.п. Все эти работы Б.Д.Яшнов выполнял совершенно безвозмездно как дополнительную нагрузку к своей педагогической деятельности в академии, которая была достаточно велика.

На этом я заканчиваю настоящие воспоминания, цель которых была осветить вопросы, связанные с возникновением в нашей академии отделов: Военно-Морского и Оружия, а также показать, как протекала работа слушателей академии в то время, когда я в ней обучался.

*Вице-адмирал
доктор военно-морских наук
профессор*

ГОНЧАРОВ

28 марта 1944 г.
г.Самарканд.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Некоторые из основных трудов Л.Г. Гончарова:
 - Гончаров Л.Г. Записки по морской тактике, 1914.
 - Гончаров Л.Г. Тралы и их использование, 1917.
 - Гончаров Л.Г. Мина заграждения и средства борьбы с нею, 1921.
 - Гончаров Л.Г. Пособие для выработки оперативных и тактических заданий для оружия и судов флота, 1926.
 - Гончаров Л.Г., Денисов Б.А. Использование мин в мировую империалистическую войну 1914-1918 гг., 1940.
 - Гончаров Л.Г. Боевое использование корабельной артиллерии. 1942 (удостоена Сталинской премии).

2) Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки за 1942 год присуждена Сталинская премия 2 степени (100 000 руб) в области военных наук: Гончарову Леониду Георгиевичу, вице-адмиралу, за научный труд «Боевое использование корабельной артиллерии», законченный в 1942 году.

3) В 1953 году, после ареста Л.П. Берии, от министерства обороны в Президиум Совета Министров СССР поступило письмо о незаконных действиях министерства Государственной Безопасности СССР в отношении ряда генералов и адмиралов. Это была «первая ласточка» в процессе реабилитации лиц, репрессированных по необоснованным обвинениям. В этом письме упоминается и Л.Г. Гончаров. Ниже приводится содержание этого документа.

«Совершенно секретно.
 В Президиум Совета Министров СССР
 Товарищу Маленкову Г.М.

Произведенной тщательной проверкой дел на арестованных генералов и адмиралов Советской Армии и Флота и осужденных в период с 1941 по 1952 год установлено, что многие из них были арестованы и осуждены необоснованно.

Аресты их производились органами МГБ по непроверенным и необоснованным материалам, а расследование предъявленных им обвинений в антисоветской и иной вражеской деятельности проводилось необъективно, при этом многолетние положительные аттестации по службе в расчет не принимались.

Несмотря на то, что арестованные находились под следствием до 19 и более лет, фактов, оправдывающих или смягчающих их вину, не собиралось.

К отдельным арестованным применялись незаконные методы следствия с целью понудить их признать вину в «преступлении» или добиться от них клеветнических показаний на других лиц.

Так, например, по указанию Абакумова при отсутствии каких-либо компрометирующих и других материалов, без санкции прокурора 19 апреля 1848 года был арестован крупный ученый, Лауреат Сталинской премии, доктор технических наук, профессор, начальник кафедры Военно-морской академии кораблестроения и вооружения вице-адмирал Гончаров Леонид Георгиевич, 1885 года рождения.

После ареста Абакумов дал указание бывшему сотруднику МГБ Комарову добиться от арестованного Гончарова признаний в шпионаже в пользу английской разведки.

Несмотря на применение физического воздействия, Гончаров признательных показаний не дал и на 17 день после ареста умер. В постановлении о прекращении дела от 29.05.1948 года указано, что Гончаров якобы умер от приступа грудной жабы, тогда как из материалов дела видно, что смерть его наступила в результате избиений.

При проверке также выявлено, что из общего числа арестованных в течение 1941-1942 гг. умерли до суда 12 генералов и адмиралов, большинство из которых было арестовано и содержалось много лет под следствием необоснованно.

Установлено также, что при судебном рассмотрении дел на генералов и адмиралов Военная Коллегия в ряде случаев подходила к установлению их виновности в предъявленном обвинении без учета прошлой положительной их службы в Советской Армии, вынося обвинительные приговоры за разговоры, которые по существу не носили антисоветского характера, или за проступки по службе, которые не должны были повлечь уголовной ответственности.

Всего в период с 1941 по 1952 год было арестовано генералов и адмиралов 191 человек. Из них осуждено Военной Коллегией Верховного Суда СССР – 76 генералов и адмиралов и 5 человек – Особым Совещанием при МГБ СССР, 8 генералов были освобождены из-под следствия за отсутствием состава преступлений и 12 генералов умерли, находясь под следствием.

В связи с изложенным вносим следующие предложения:

Обязать Военную Коллегию Верховного Суда СССР пересмотреть дела на осужденных генералов и адмиралов, имея в виду:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов и адмиралов: Романова Ф.Н., Цирульникову П.Г., Чичканова А.С., Гапича Н.И., Гелвиха П.А., Мошенина С.А., Ляскина Г.О., Голутшкевича В.С., Жукова И.И., Тимошкова С.П., Самохина А.Г., Минюка Л.Ф., Туржанского А.А., Васильева А.Ф., Жарова Ф.И., Ильиных П.Ф., Эльсница А.Г., Токарева С.Ф., Мрочковского С.И., Буриченкова Г.А., Попова Д.Ф., Ширмахера А.Г., Бычковского А.Ф., Ухова

В.П., Телегина К.Ф., Ворожейкина Г.А., Терентьева В.Г., Филатова А.А., Кузьмина Ф.К., Иванова И.И., Крюкова В.В., Власова В.Е., Петрова Е.С., Бежанова Г.А., Лапушкина Я.Я., Вейса А.А., Клепова С.А.;

б) снизить наказание до фактически отбытого ими срока и освободить из-под стражи осужденных бывших генералов: Калинина С.А., Герасимова И.М., Ротберга Т.Ю.

2. Обязать МВД СССР:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов: Жукова Г.В., Гуськова Н.Ф., Дашичева И.Ф., Варенникова И.С., Сиднева А.М., Ильина В.Н., Глазкова А.А., Меликова В.А., Потатурчева А.Г., Гончарова Л.Г., Наумова И.А., Паука И.Х., Тамручи В.С., Соколова Г.И.;

б) прекратить дела и освободить из-под стражи членов семей осужденных генералов, подлежащих полной реабилитации.

3. Обязать Министерство обороны СССР обеспечить назначение положенных пенсий семьям полностью реабилитированных генералов и адмиралов, умерших в заключении: Глазкова А.А., Меликова В.А., Потатурчева А.Г., Гончарова Л.Г., Наумова И.А., Паука И.Х., Тамручи В.С., Соколова Г.И., Ширмахера А.Г.

Н. Булганин
Р. Руденко
А. Чепцов
11 июля 1953 г.»

О том, что пришлось испытать Л.Г.Гончарову в ходе следствия, свидетельствуют признания следователя Комарова, приведенные в следующей выдержке из протокола его допроса 3 июня 1953 года.

«Вопрос: Комаров, вы вели следствие по делу вице-адмирала Гончарова, профессора, начальника кафедры Военно-морской академии в Ленинграде. В чем он обвинялся?

Ответ: Гончаров был арестован по подозрению в том, что с 1917 года до последнего времени являлся шпионом одной из иностранных держав, которой передавал совершенно секретные сведения о советском военно-морском флоте.

Вопрос: Гончаров дал признательные показания?

Ответ: Сперва он не признавался. А когда Абакумов разрешил применять к нему физические меры воздействия – дал показания о вражеской работе против СССР и связи с английской разведкой. А затем почему-то отказался от прежних показаний, и тогда мы...

Вопрос: И вы продолжали истязать 63-летнего больного старика?

Ответ: Гончаров был старый моряк и выглядел здоровым, бодрым человеком. Я не знал ни о каких его болезнях.

Вопрос: Чем вы избивали Гончарова?

Ответ: Резиновой палкой по мягким местам.

Вопрос: Гончаров умер от сердечного приступа утром 28 апреля 1948 года. Скажите, Комаров, в ночь с субботы на воскресенье вы допрашивали Гончарова?

Ответ: Да, допрашивал вместе со следователем.

Вопрос: И вновь избивали его? Стало быть, вы убили Гончарова?

Ответ: Такого вывода я сделать не могу.

Вопрос: Этот вывод напрашивается сам собой. Вы показали, что к Гончарову применялись физические меры воздействия по распоряжению Абакумова. Уточните, когда Абакумов отдал такое распоряжение?

Ответ: Еще до ареста Абакумов сказал мне, что Гончарова нужно быстро «размотать», им очень интересуются наверху».

4) Из числа этих офицеров в 1905-1907 гг. образовался «Санкт-Петербургский военно-морской кружок», в состав которого входили: капитан 2 ранга Римский-Корсаков М.М. – председатель; лейтенанты Пилкин В.К. и Кириллин А.Н. – вице-председатели; лейтенант Щеглов А.Н. – казначей; лейтенант Беренс Е.А. – секретарь; действительные члены: капитан-лейтенант Шрейбер Н.Н.; лейтенанты: фон Шульц Г.К.; Вознесенский А.Н.; Кедров М.А.; Подгурский Н.Л.; Колчак А.В.; Гельмерсен П.В.; Никольский М.И.; Зеленой А.П.; Черкасов В.Н.; Власьев С.Н.; Петров А.К.; Мандражи Е.Н.; Витгефт А.В.; Руднев В.И.; Кротков Н.В.; Домбровский А.В.; Де-Ливрон В.К.; Невражин С.А.; граф Кейзерлинг А.Г.; мичман Витгефт В.В.; инженер-механики: Афанасьев Н.В. и Винтер В.А.; корабельный инженер Кутейников Н.Н.

Доклады и сообщения, делавшиеся на заседаниях Кружка вызывали бурное обсуждение, как на самих заседаниях, так и в военно-морской общественности, да и в обществе в целом. Отдельные доклады и сообщения публиковали

лись в журнале «Морской сборник». В жарких спорах выработывались новые принципы и подходы к воссозданию флота, к совершенствованию системы управления им.

Именно в недрах Клуба (лейтенант Щеглов А.Н. и др.) была разработана идея Морского Генерального штаба, который должен был взять на себя разработку стратегии строительства флота и подготовки его к войне. Эти разработки были приняты к реализации, а сами разработчики вошли в структуры этой новой флотской организации.

Многие офицеры из состава членов-учредителей Клуба оставили заметный след в истории Российского флота.